

Ирина
Ратушинская

ВНЕ ЛИМИТА

Ирина Ратушинская

ВНЕ ЛИМИТА

Избранное

ПОСЕВ

*Составитель и автор послесловия
Юрий Кублановский*

Обложка Вадима Филимонова

ISBN 3-7912-2012-8

© Possev-Verlag, V. Gorachek KG, 1986
Frankfurt am Main
Printed in West Germany

И. Ратушинская (1982)

О ИРИНЕ РАТУШИНСКОЙ

Ирина Ратушинская родилась 4 марта 1954 года в Одессе в семье польских дворян, чудом уцелевших при советской власти и хорошо к ней приспособившихся.

Детство и школьные годы были для Ирины очень тяжелыми. Очевидно для нее от рождения был неприемлем образ мысли советского человека и коммунистическая религия. Все попытки воспитать из нее строителя коммунизма как со стороны родителей, так и со стороны школы приводили к конфликтам, но, поскольку в школе Ирина училась хорошо, эти конфликты не заходили слишком далеко.

С ранних лет Ирина верила в Бога, и эта вера, а не атеистическое семейное и школьное воспитание, формировали и сохраняли ей душу.

В 1971 году она поступила в Одесский университет. Ее студенческие годы прошли мягко и радостно. С первого курса Ирина стала зарабатывать себе на жизнь, и этот конец финансовой зависимости от родителей облегчил ее существование.

На физическом факультете, где она училась, еще сохранялись остатки хрущевской оттепели, кроме того физика и математика даже в СССР сравнительно независимы.

В 1976 году ласковые студенческие годы закон-

чились, и началась работа, сначала учителем физики и математики в школе, затем ассистентом на кафедре физики в Одесском пединституте.

Столкновения с КГБ у Ирины начались рано. Еще в 1972 году ее пробовали вербовать в осведомители КГБ и, получив решительный отказ, долго пугали и угрожали, но тогда дело кончилось только угрозами.

В 1977 году в одном из одесских театров состоялась премьера спектакля. Ирина была одним из авторов этой пьесы. После премьеры показ спектакля был запрещен, а всех, кто был связан с ним — стали таскать в органы, усмотрев в спектакле антисоветские настроения.

В то время Ирина уже работала в пединституте. Ей предложили войти в состав экзаменационной приемной комиссии, объяснив, что к евреям-абитуриентам следует применять особые требования. Ратушинская отказалась, и через некоторое время была вынуждена уйти с работы.

Стихи Ирина начала писать рано, но сначала — в основном шуточные, к которым серьезно не относилась. Ощущение поэзии как призвания — пришло к ней, примерно, в 1977 году...

... В 1979 году Ирина стала моей женой и переехала в Киев. Советский образ жизни был равно неприемлем для нас обоих, и мы решили покинуть СССР. В 1980 году мы обратились в ОВИР, но получили отказ.

Ни я, ни Ирина не хотели мириться с существующим в СССР беззаконием. Первое правозащитное письмо, которое мы написали, было обращено к советскому правительству по поводу незаконной ссылки академика Сахарова.

В августе 1981 года Ирину и меня вызвали в

КГБ, где нам угрожали арестом в случае, если мы не прекратим правозащитную деятельность. От Ирины потребовали, чтобы она перестала писать стихи.

Вскоре последовали репрессии. 5 ноября 1981 года меня уволили с работы и работать по специальности я уже не смог. Наша семья оказалась лишенной средств к существованию, зарабатывали на жизнь как придется: ремонтировали квартиры, я подзарабатывал слесарной работой.

10 декабря 1981 года во время демонстрации в защиту прав человека на Пушкинской площади в Москве Ирину и меня арестовали. Дали по десять суток. Первый срок Ирины — в Бутырской тюрьме.

19 апреля 1982 года нас пытались отравить, опрыскав двери нашей квартиры ядом. Нам повезло: злоумышленников в штатском случайно спугнули. Ирина, я и еще три человека отделались легким отравлением...

Когда в августе 1982 года нам предложили батрачить на уборке яблок, мы охотно согласились, нуждаясь в заработке. О том, что это предложение исходит из КГБ, я узнал уже потом, после ареста Ирины. Для КГБ эта наша работа была очень удобна: мы работали в бригаде шабашников, из которых планировали выжать нужные показания под угрозой, что им не заплатят за работу.

Ирину арестовали утром 17 сентября 1982 года и в наручниках увезли в следственную тюрьму КГБ — тюрьму, в которой в годы оккупации Киева фашистами томились узники Гестапо.

Сентябрь 1982*.

* Публикуется с небольшими сокращениями.

И я развязала старый платок —
И тотчас ко мне пришли
Четыре ветра со всех дорог,
Со облаков земли.

И первый ветер мне песню спел
Про дом за черной горой,
Про заговоренный самострел
Мне рассказал второй.

И третий ветер пустился в пляс,
И дал четвертый кольцо.
А пятый вечер пришел, смеясь —
И я знала его в лицо.

И я спросила: — Откуда ты
И кто мне тебя послал?
А он взгляделся в мои черты
И ничего не сказал.

И я прикоснулась к его плечу —
И всех отпустила прочь.
И этот ветер задул свечу,
Когда наступила ночь.

* *
*

Не надо просить о помощи.
Мир этот создан мастерски.
Что будет — зачем загадывать,
А горечь уже прошла.
Пойду отражаться полночью
В пустых зеркалах
 парикмахерских
И многократно гаснуть
С другой стороны стекла.
На грани воды
 и месяца
Не задержу мгновение,
Шагну, запрокинув голову,
Ладонью скользну
 в пустоту.
И стану случайным отблеском,
Мелькнувшим обманом зрения —
Как отражение девочки,
Которой нет на мосту.

70-е гг.

* *

*

Я напишу о всех печальных,
Оставшихся на берегу.
Об осужденных на молчанье —
Я напишу,
Потом — сожгу.
О, как взовьются эти строки,
Как запрокинутся листы
Под дуновением жестоким
Непоправимой пустоты!
Каким движением надменным
Меня огонь опередит!
И дрогнет пепельная пена,
Но ничего не породит.

Не исполнены наши сроки,
Не доказаны наши души,
А когда улетаются птицы,
Нам не стыдно за наши песни.
Мы бредем сквозь безумный город
В некрасивых одеждах века,
И ломают сухие лапки
Наши маленькие печали.
Безопасные очевидцы —
Мы не стоим выстрела в спину,
Мы беззвучно уходим сами,
Погасив за собою свечи.

Как мы любим гадать, что будет
После наших немых уходов!

Может, будут иные ночи —
И никто не заметит ветра?
Может, будет холодным лето —
И поэтов наших забудут?
И не сбудутся наши слезы,
И развеются наши лица,
И не вспомнятся наши губы —
Не умевшие поцелуя!
Неудачные дети века,
Мы уходим с одним желаньем —
Чтобы кто-нибудь наши письма
Сжег из жалости, не читая.

Как мы бережно гасим свечи —
Чтоб не капнуть воском на скатерть!

Самый легкий мне дан смех,
Самый смертный мне дан век,
Самый вещий мне дан свет —
Накрахмаленный вхруст снег.
И ни папертью, ни конем,
Ни разбитой стекляншкой вен —
Не унять остыванья в нем
До четвертого из колен.
И куражится хриплый смерд,
Ветхой сказочки не щадя —
Как до плахи простелен след
По заплаканным площадям:
”Выдыхай-выдыхай слова —
Не впервой городить кресты!
Ай горячая голова —
Кабы горлышку не простыть!”
Вот и замкнут мой первый круг:
В опозореннейшей из стран
Самый честный поэт — друг,
Самый грубый солдат — страж.
Так и жить — на едином ”нет”,
Промерзать на любом углу,
Бунтовать воробьем в окне —
Птичьим пульсом — да по стеклу!
И не ведать — кому прочесть,
Несожженный листок храня...
Изо всех обреченных здесь —
Есть ли кто счастливей меня?

* *
*

Ах какая была весна!
Весь апрель — под знаком вокзала.
Как преступно она дрожала —
Вкось заброшенная блесна!

Деревянную крестовину
Вышибала настезь — луной,
Шла бессонными мостовыми,
Тень раздваивала за мной.

.....

Узнаешь ли — листок с оскоминой,
Старой музыки бледный круг,
Смех соленый да свет соломенный —
Не разнять окаянных рук!

Как вступала свирель приливами,
Как отлив горчил — не беда.
До чего мы были счастливыми
В двух неделях от "навсегда"!

Как отважно читали повесть
С эпилогом про сладкий дым...
Он ушел, тот весенний поезд.
Слава Богу, ушел живым.

* *

*

А рыбы птицами мнят себя,
Не ведая облаков.
Они парят — сродни голубям —
Над пальчиками цветов.

И есть у них рождение и смерть,
И есть печаль и любовь,
Морские кони, вода и твердь.
А нет одних облаков.

Есть далекая планета.
Там зеленая вода,
Над водою кем-то где-то
Позабыты города.

В мелких трещинах колонны,
Теплый камень — как живой,
Оплетенный полусонной
Дерзко пахнувшей травой.

Между белыми домами
Чутко дремлет тишина.
Смыты давними дождями
С тонких башен письма.

А планета все забыла,
Все травую поросло.
Ветер шепчет — что-то было,
Что-то было — да прошло.

А весна поет ветрами,
Плачет медленно вода.
И стоит над городами
Небывалая звезда.

Умудренно и тревожно
Смотрят рыбы из реки,
В темных травах осторожно
Пробираются жуки.

Птицы счастливы полетом,
Вечно светел белый свет...
Может, снова будет что-то
Через много-много лет.

* *

*

Мимо идущий, не пей в этом городе воду —
Насмерть полюбишь за соль
С привкусом лета!
Не преклони головы — остановятся годы.
Ты не прошел по Тропе.
Помни об этом.
В добрых домах не позабудь цели,
Не уступи мостовых
Пыльное счастье...
Слышишь, как тихо? Но ангелы улетели.
Сердце твое вне их уже власти.
Женской руки не целуй в человеческой гуще:
Бойся запомнить апрель —
Запах перчаток!
Знаком Тропы да пребудет твой лоб опечатан,
Гордыми губы да будут твои,
Мимо идущий!
Не возлюби.

* *

*

— Скажи мне правду, цыганка,
К чему мне приснился ветер?
— Неправда. Он тебя любит.
А ветер снится к дороге.

— Скажи мне, цыганка, правда —
У нас судьба на ладони?
— Дай руку. Он тебя любит.
А это — к дальней дороге.

— Цыганка, скажи, к чему же
У нас догорела свечка?
— А это к скорой разлуке
И самой дальней дороге.

— Цыганка, скажи, что это
Неправда! Скажи, цыганка,
Что это не та дорога!
— Не бойся. Он тебя любит.

* *

*

Я вернусь в Одессу, вернусь —
Я знаю когда.
Я знаю, как это будет: вечер и плеск.
Как легко выходить из моря,
Когда вода
Теплым камешком шевелит.
Как легко выходить без
Ложной памяти —
Стоит ли плакать, вот и домой.
Вот эти две скалы — их никто не взрывал.
Стоит ли так бежать —
Бог с тобой!
Все хорошо — дыши — здесь перевал.
Здесь уже не достанут —
Дыши — помнишь траву?
Красная пыль обрыва. Вечер и плеск.
Здесь вода ничего не весит.
Но я живу.
Вот и тропинка вверх.
Как легко выходить здесь.

11.9.81.

В. Н.

Ни в топот твоего коня
Не брошусь,
Ни вослед не гляну.
Не дрогну, зажимая рану —
И кандалы не прозвелят.

Не поменяться городами —
Своя судьба, своя сума.
И сводит губы холодами
Жестокой выучки зима.

Что ж, за руки!
Уже немного
Отпущено на суету.
Избравшего свою дорогу
Превыше спутников почту!

Как знать, кто уцелеет в битвах?
Но про тебя был вещий сон...
Моя вечерняя молитва
Вся состоит из двух имен.

31.10.81

* *

*

— Отпусти мой народ.
(Нет моего народа).
— Отпусти в мои земли.
(Нет земель у меня).
— А иначе мой бог
(Я не знаю Бога исхода)
— Покарает тебя,
И раба твоего, и коня.

Посмотри —
Я в змею обращаю свой
Посох
(О, я знаю — твои жрецы
Передразнят стократ!)
— Не чини мне преград,
Ибо мне этот путь
Послан.
(О, я знаю — мне не дойти.)
— Да не сверну назад.

* *

*

Почему
Половина побегов — во сне?
(О, не бойся — не настигают!)
Темнота пересохла. Дожить бы!
Но в завтрашнем дне —
Половина другая.

От живых, что холодными пальцами
 правят судьбой,
Из ловушки зеркал,
Что, как устрицы, жадные створки
Приоткрыли — беги!
Не печалься, что там — за тобой.
За тобой ничего.
Вот они уже рвутся на сворке.

По пустыне асфальта,
По тверди —
Нестынувший след
Оставляя,
Сбиваясь,
Защиты просить не умея —
Мы уходим, бежим, задыхаемся...
Нет
Впереди Моисея.

* *

*

Вот он над нами — их жертвенный плат,
Мазаный кровью.
Выйди пророчить мор и глад —
Никто и бровью...
Стоит ли спрашивать, что тебя ждет
На повороте?
Молча Кассандра чаю нальет,
Сядет напротив.
Молча постелет,
Заштопает рвань, кинет на кресло,
Молча разбудит в бездонную рань
И перекрестит.
Нет еще колера для твоего
Смертного флага.
Больно уж молод — да что ж, ничего!
Гож для ГУЛага.

3.11.81

* *

*

Что-то грустно, и снов не видно.
Не дождусь рассвета и встану,
И надену свой старый свитер,
И уйду собирать каштаны.

Карий глянец косматых парков —
Ни за что ни про что награда —
Бесполезней царских подарков
И бездомней ветра и града.

Ах, невысохшие цыплята!
Пересмеиваются — кто подымет?
И толпятся стволы как шляхта —
В пышной щедрости и гордыне.

Разорившись, пустив по ветру
Горы золота, звон и пламя —
Ни единой не дрогнут веткой
Под калеными холодами!

Прорастая сквозь юг России
Из расстрелянных поколений —
Не допустят пасть до бессилья
Гефсиманских слез и молений.

Не позволят забыть осанку,
Не изменят и не устанут.
Я за тем и приду спозаранку,
Я приду собирать каштаны.

5.11.81

* *

*

Сколько мне ни приходится смахивать снег
С беспризорных скамеек —
Но я не привыкну к вашей зиме,
Хоть иной не имею.
Я не стану убийцу отчизною звать —
И другой не желаю, и этой.
Не признаю ваш суд,
Не приму от раба благодать —
У раба ее нету.
И любую облаву раскиньте — уйду,
И убейте — с пути не вернете.
И подслушайте, что там —
В последнем бреду —
Все равно не поймете.

2.12.81

Ну возьми же гитару,
Возьми на колено свое,
Как ребенка —
И струны потрогай.
И склонись к ней щекою,
И гриф охвати, как копье —
Всей рукой.
Остальное от Бога.

Через несколько дней
Я забуду мотив и слова
И уйду
В сумасшедшее лето.
Мне охватит колени волной —
И морская трава
Перепутает
Вечер с рассветом.

А потом —
За снегами снега —
Все тесней и тесней
Полетят
На опальные крыши.
И за сотни ненужных земель
И потерянных дней
Неужели
Тебя не услышу?

Я с твоей телеграммой
В пути разминусь, прилечу —

И на миг
Задохнусь у порога...
Ну возьми же гитару,
Настрой —
И помедли чуть-чуть.
Помолчим
Перед дальней дорогой.

* *

*

Не для меня византийский наклон
Лица.
В ересь впаду — подбородок превыше
Плача.
Ты, мой ручной, уж не думаешь ли —
Стану
Горе являть, ублажая судьбу
Воем?
В прах упадать — не моему
Стану!
Да не предстану, разлуку свою
Пряча.

БУТЫРСКИЕ ВОРОБЬИ

Вот и снег загрустил —
Отпусти обессиленный разум,
Да покурим-ка в форточку,
Пустим на волю хоть дым.
Прилетит воробей —
И посмотрит взыскательным глазом:
"Поделись сухарем!"
И по-честному делишься с ним.
Воробьи — они знают
К кому обращаться за хлебом.
Пусть на окнах двойная решетка —
Лишь крохе пройти.
Что за дело для них,
Был ли ты под судом или не был!
Накормил — так и прав.
Настоящий судья впереди.
Воробья не сманить —
Ни к чему доброта и таланты.
Он не станет стучать
В городское двойное стекло.
Чтобы птиц понимать,
Надо просто побыть арестантом.
А коль делишься хлебом —
Так значит и время пришло.

11.-20.12.81

* *
*

Сия зима умеет длиться,
И нет болезни тяжелей.
И чашу декабря — налей! —
В слепых домов лепные лица
Плеснуть — застынет на лету!
И грянет голосом студеным,
Снежком в окно — стекольным звоном —
Но звон увязнет за версту.
И вновь под белыми мехами,
Под ватным бредом за окном —
Неизлечимое дыханье
О винограде вороном.

* *

 *

На моей печи
Не поет сверчок.
У меня в ночи
Лишь огня клочок.

На моем плече
Не ночует плач.
На моей свече
Язычок горяч!

От ее луча
Мне печали нет...
Поворот ключа.
Через час — рассвет.

* *

*

Как стеклянный шарик — невесть куда закатиться,
Уж кто-кто, а они всегда пропадают бесследно.
В самом трудном углу не найти — лишь пыль
на ресницах,
Паучок в сундуке да кружок от монетки медной.

Закатиться, я говорю, где никто не достанет —
Там стеклянные шарики катятся по ступеням,
То ли сумерки, то ли ветер между мостами —
Словом, странное место, где я не отброшу тени.

Выше горла уже подошло: закатиться —
Ото всех углов, сумасшедших лестниц и комнат!
Не писать, не звонить. Ну разве только присниться,
Как потерянная игрушка, которую днем
не вспомнят.

31.12.81

Под черным зонтиком апреля
Промокнуть к вечеру успев,
С гусиной кожей онемев,
Вернуться в дом, чтоб отогрели,
И отругали за разбой,
И в бабушкин платок укутав,
Сказали: "Впрочем, Бог с тобой!
Какие могут быть простуды
У этих лайдаков? Апрель!
Пей молоко и марш в постель!"
Но "марш" лукаво затянуть,
И под шумок забраться в кресла —
И в королевском праве детства
Над томом Пушкина заснуть.

10.1.82

С польским грошиком на цепочке,
С ветром шляхетским по карманам
По базару иду, базару
Против солнца, сегодня в полдень.
Я молчу почти без акцента:
Не прицениваюсь, не торгуюсь,
Потому что солнце слезится
То зеленым — а то лиловым,
Ударяет в голову звоном,
Как цыганское ожерелье,
Как медведь, под бубен по кругу
Ходит, грошики собирает.
Вот я кину свой грошик в шляпу,
Обезьянка мне вынет счастье —
И пошлю я его по ветру,
Не читая.
А что с ним делать,
Раз кириллицей — мое счастье?
Разве только пустить на волю...
Ох, оно б меня отпустило!

16.1.82

* *

*

В идиотской курточке —
Бывшем детском пальто,
С головою, полной рифмованной ерунды,
Я была в Одессе счастлива, как никто —
Ни полцарства, ни лошади, ни узды!

Я была в Одессе — кузнечиком на руке;
Ни присяг, ни слез, и не мерить пудами соль —
Улетай, возвращайся — снимут любую боль
Пыльный донник, синь да мидии в котелке.

Мои улицы мною протерты до дыр,
Мои лестницы слизаны бегом во весь опор,
Мои скалы блещут спинами из воды,
И снесен с Соборной площади мой собор.

А когда я устану,
Но встанет собор как был —
Я возьму билет обратно, в один конец —
В переулки, в теплый вечер, в память и пыль!
И моя цыганка мне продаст леденец.

21.1.82

* *

*

Кому дано понять прощанье —
Развод вокзальных берегов?
Кто может знать, зачем ночами
Лежит отчаянье молчанья
На белой гвардии снегов?

Зачем название — любовь?
А лучше б не было названья.

Ах как холодно в нашей долине —
Здесьним ангелам снега не жаль.
Злые ящерки пляшут в камине
И не греет зеленая шаль.

Ты не в духе, ты пишешь и правишь —
В черных брызгах рукав и тетрадь,
И в досаде касаешься клавиш...
Я уйду, я не буду мешать.

Присмотреть за домашней работой
Со старушечьей связкой ключей,
Для тебя переписывать ноты
Да срезать огонек на свече...

В нашей церкви, добротной и грубой —
Ни лампад, ни лукавых мадонн.
Неподвижны органные трубы
И безгрешен суровый канон.

Да четыре стихии впридачу,
Да засаленный мудрый колпак...
Я не плачу, мой милый, не плачу!
Ты пиши, это я просто так.

Ну пускай не веронское лето,
И не черного кружева вздох —
Напиши для меня канцонетту,
Мой любимый, — одну канцонетту!
За одну не обидится Бог.

* *

*

Где вместо воздуха — автобусная брань,
Где храп барака вместо новоселья...
Ах, родина, зачем в такую рань,
Как сонного ребенка из постели,
Ты подняла меня?
Татары ли насели?
Да нет — молчок!
Лишь тьма да таракань,
Да русский дух.
А гуси улетели.

И. Г.

Что же стынут ресницы —
Еще не сегодня прощаться,
И по здешним дорогам еще не один перегон —
Но уже нам отмерено впрок
Эмигрантское счастье —
Привокзальный найденыш,
Подброшенный в общий вагон.

Мы уносим проклятье
За то, что руки не лобзали.
Эта злая земля никогда к нам не станет добрей.
Все равно мы вернемся —
Но только с иными глазами —
Во смертельную снежность
Крылатых ее декаблей.

И тогда
Да зачтется ей боль моего поколенья,
И гордыня скитаний,
И скорбный сиротский пятак —
Материнским ее добродетелям во искупленье —
Да зачтется сполна.
А грехи ей простятся и так.

Не берись совладать,
Если мальчик посмотрит мужчиной —
Засчитай как потерю, примерная родина-мать!
Как ты быстро отвыкла крестить уходящего сына,
Как жестоко взамен научилась его проклинять!

Чем ты солишь свой хлеб —
Чтоб вовек не тянуло к чужому,
Как пускаешь по следу своих деловитых собак,
Про суму, про тюрьму, про кошмар сумасшедшего
дома —
Не трудись повторять.
Мы навек заучили и так.

Кто был слишком крылат,
Кто с рождения был неугоден —
Не берись совладать, покупая, казня и грозя —
Нас уже не достать.
Мы уходим, уходим, уходим...
Говорят, будто выстрела в спину услышать нельзя.

* *

*

Отчего снега голубые?
Наша кровь на тебе, Россия!
Белой ризой — на сброд и сор.
Нашей честью — на твой позор
Опадаем — светлейший прах.

Что ж, тепло ль тебе в матерях?

1981

Ненавистная моя родина!
Нет постыдней твоих ночей.
Как тебе везло
На юродивых,
На холопов и палачей!
Как плодила ты верноподданных,
Как усердна была, губя
Тех — некупленных
и непроданных,
Осужденных любить тебя!
Нет вины на твоих испуганных —
Что ж молчат твои соловьи?
Отчего на крестах поруганных
Застывают
слезы твои?
Как мне снятся твои распятые!
Как мне скоро по их пути
За тебя —
родную,
проклятую —
На такую же смерть идти!
Самой страшной твоей дорогою —
Гранью ненависти
и любви —
Опозоренная, убогая,
Мать-и-мачеха,
благослови!

Господи, что я скажу, что не сказано прежде?
Вот я под ветром Твоим в небеленой одежде —
Между дыханьем Твоим и крошечной чумой —
Господи мой!

Что я скажу на допросе Твоем, если велено мне
Не умолчать, но лицом повернуться к стране —
В смертных потеках, и в клочьях, и глухонемой —
Господи мой!

Как Ты решишься судить,
По какому суду?
Что мне ответишь, когда я прорвусь и приду —

Стану, к стеклянной стене прижимаясь плечом,
И погляжу,
Но Тебя не спрошу ни о чем.

II

Молоко на строке не обсохло,
А отчизна уже поняла,
И по нас уже плакали ВОХРы,
И бумаги вшивали в дела.
Мы дышали стихами свободы,
Мы друзьям оставались верны,
Нас крестили холодные воды
Отвергающей Бога страны.
А суды громыхали сроками,
А холопы вершили приказ —
Поскорее прикрыть медяками
Преступление поднятых глаз.

Убиенны ли, проданы ль братьям —
Покидаем свои города —
Кто в безвестность, а кто в хрестоматию —
Так ли важно, который куда?
Сколько выдержат смертные узы,
На какой перетрутся строке?
Оборванка, российская муза
Не умеет гадать по руке.
Лишь печалится: Ай, молодые!
Неужели и этих — в расход?
Погрустим и пойдем по России.
Озари ей дорогу, Господь!

Сентябрь 1982

* *

*

Из незнакомого окна
Скупой огонь дрожит и льется:
Да отраженная луна
Плывет, как яблоко в колодце.
И всё.
Ни пса и ни звезды.
Минуты капают — но мимо...
Как сердце, падают плоды,
Но дрожь земли не ощутима.
Кем нам назначен этот час —
Души немое предстоянье?
Себе ли ищем оправданья?
Виним ли время, горячась?
Без слез тоскуем ли по дальним?
И ловим зов, хоть не слышны
Ни голоса, ни звук кандалный.
Но посредине тишины
Возможно ль этот зов опальный
За отпущение вины
Принять?

16.9.82, ночью

* *

*

Моя тоска — домашняя зверюшка.
Она тиха и знает слово "брысь".
Ей мало надо: почесать за ушком,
Скормить конфетку и шепнуть "держись".
Она меня за горло не хватает
И никогда не лезет при чужих.
Минутной стрелки песенка простая
Ее утешит и заморозит.
Она ко мне залезет на колени,
По-детски ткнется носом и уснет.
А на мою тетрадь отбросит тени
Бессмысленный железный переплет.
И только ночью, словно мышь в соломе,
Она заводится и в полусне
Тихонько заскулит о теплом доме,
Который ты еще построишь мне.

Октябрь 1982

* *
*

Плачет серый ветер,
Что дразнит ворона.
Ворона хохочет —
Качаются сосны.
Ах, серый ты, серый!
Пора бы на Север:
Прилечь бы на льдине —
Никто не увидит.
Ах, бедный ты, бедный!
Качаются сосны,
А муравьи лезут
Смотреть, как ты плачешь.
А там, еще выше —
Дождик да тучи,
А там, еще ниже —
Грибы да колючки.
Зачем ветру плакать
В такой пустой вечер?
Пошли — стряхнем листья
С соседнего леса!

Ноябрь 1982

* *

*

*Посвящаю моему другу
Валерию Сендерову*

Мне как-то снилось: кони и попоны,
Рука с колючим перстнем на плече,
И горький лик коричневой иконы,
И твердый ропот тысячи мечей.
Потом не помню. Травы уставали
Оплакивать надломы, волки — выть,
И кто-то пел по мертвым на привале,
И сохли раны, и хотелось пить.
Был месяц август. Дозревали звезды
И падали в походные костры.
И Родину спасти еще не поздно
Казалось нам. Мы дождались поры,
Мы встали — и в который раз, спасая,
Ушли в траву и перестали быть.
Юродивая девочка босая
По нам бежала с криком. Не убить —
Так просто. Кажется, сейчас усвоит
Моя земля бесхитростный урок...
Но нет! Ржавеют воды, бабы воют.
А мы встаем, когда приходит срок.

Декабрь 1982

ТАНЕЦ С ТЕНЬЮ

Тридцать первого — динь-дон!
Близко к полночи — сгинь сон!
Я с тобой пойду — глаз в глаз —
В новогодний пляс!
Размахну подол — кружева!
Закружи, сокол — чуть жива!
Чтобы свечки — все в одну,
Чтобы душеньку — всю в струну,
Чтобы горюшко — в дым, в окно...
Чтоб глазам темно!
А глаза-то я подвела...
А под сердцем-то не игла —
То ресничка упала: вынь!
Да снежок смахни с головы!
Шитой скатертью крыт — стол,
А каемочка — вся крестом,
А стаканы — дзынь — наливай полней!
Глянь — хвоинка на дне... Так и пей!
Я с тобой глотну
Новогодний лед,
Я тебя втяну
В танец — напролет;
Это наша ночь — динь-дон!
Да исполнится.
Загадай сон.

31.12.82

* *
*

Чтобы первого января —
О твою щеку не кольнуться,
Но осанку не потерять
И конвойному улыбнуться:
Не жалея меня, дурачок!
Громыхай, громыхай ключом!

Январь 1983

Паучок-математик (грустней не придумаешь зверя!)
Все старается тонкие лапки свои посчитать.
Но полученной маленькой цифре он мудро не верит
И сердито бормочет: не вышло опять ни черта!
Он соткал чертежи, он углы вымеряет прилежно,
Он решает задачу с капустой, где волк и коза.
Но не верит ответу и снова шуршит безнадежно,
И вздыхает: решение ясно, а как доказать?
Ах ты, чокнутый гений, распятый на координатах,
Чудачок-Пифагор, полоумный тюремный пророк!
Подожди уползать: я поверю твоим результатам!
Пораскинь вензеля, посчитай мне, пожалуйста, срок.

Январь 1983

Я с мышами и звездами говорю,
Я зеленую луковку полила,
Я сухарь покрошу в окно — январю,
А он мне узор на форточке — два крыла —
Ясным сахаром насечет:
Холод-хруст!
И — снежинку с мятным лучом!
Какова на вкус
Шестикрылая? Не горчит голубым — печаль?
Первый круг — не сердцу ли вопреки?

Но я знаю, что ему отвечать:
— Все в порядке, мастер, —
Твоей руки
На устах не тает печать
Филигранная, и почетней нет
Белых звезд на моих плечах,
Вифлеемских тех эполет
Удостоена — благодарю.
Что как женщине — в кружевах —
Ты сковал их. Пока жива —
Сберегу чистейшими, — январю
Обещаю. Кричат — виват! —
Воробы, чтоб мастеру не грустить.
И я пью из чаши, его резьбой
Изукрашенной. Он говорит: прости,
Я боялся пересластить.
Бог с тобой.

Январь 1983

Что календарь? Формальность бытия!
Любой февраль уже сиренью дует.
И прежнюю печаль на молодую
Под буйную крамолу воронья
Сменяет. Но приросшая — болит!
Скребут асфальта шкуру.
Соль земли
Разметана по влажным тротуарам.
Цветные сны слоются тонким паром,
А мы отвыкли радости делить.
Как женщина неловкая — пакеты,
Мы их роняем всей охапкой в снег!
Но все равно хватает всем на всех!
О, перемен прозрачная примета!
О, времени веселое весло!
Промокших варежек наивное тепло
Впечатается в корочку сугроба,
Зашмыгают иззябшие микробы,
Весенние созвездья из берлог
Подымут легкий запах нафталина,

И Бог, слепив дитя из мокрой глины,
Остатками запрудит ручеек.

Февраль 1983

Блажен Василий петушиным храмом,
Блажен солдат березовым крестом,
Блаженны дети странными мечтами,
А дураки — исчерканным листом.
Сегодня снова голубиный вечер,
И дышит снег наивно и легко.
Как хорошо б лишиться дара речи
И пить зимы парное молоко!

И видеть свет — младенчески блаженно!
Но бьет глагол в гортани, но в тисках —
Дыханье, но в пылу самосожженья
Обуглен рот, и пепел на висках.
Обломки строк — мучительнее бритвы,
Истерзан лист на тысячи ладов...
И только бессловесная молитва
Уймет смятение, как на лоб — ладонь.

Февраль 1983

* *

*

Ах, южане — лжецы и поэты!
Ах, горячие головы — смоль!
Сквозь печаль византийского лета
Проступает приморская соль.
В самой лютой Сибири узнаю:
По гордыне — что слезы грешны,
По ресницам — что темень сквозная,
По рукам — что крыла не нужны.

Февраль 1983

* *

*

... И оказалось: это просто скучно —
Не более того. А теснота
Клетушки, загородки в зале душном —
Уютная, дубовая черта
Меж судьями и мною — чтоб не спутать.
Глаза в глаза! Ребячье торжество!
Воротятся! Боятся в зале смуты?
А может, мой веселый глаз жесток
По-зэковски? Чтоб и во сне — за горло?
Но мой разбой уже превозмогла
Чеканная прадедами гордость:
Что мне за дело до холопских глаз!

1.3.83, на суде

Мне в лицо перегаром дышит моя страна.
Так пришли мне книгу, где нет ничего про нас,
Чтобы мне гулять по векам голубых ночей,
Оловянных коньков на крышах и витражей,
Чтоб листать поединки, пирушки да веера,
Чтоб еще не пора — в костер, еще не пора...

И часовни еще звонят на семи ветрах,
И бессмертны души, и смеха достоин страх.
Короли еще молоды, графы еще верны,
И дерзят певцы. А женщины сотворены
Слабыми — и дозволено им таковыми быть,
И рожать сыновей, чтобы тем — берега судьбы
Раздвигать, и кольчуги рвать, и концом копья
Корм историкам добывать из небытия.

Чтоб шутам решать проблемы зла и добра,
Чтобы львы на знаменах и драконы в горах,
Да в полнеба любовь, да веселая смерть на плахе,
А уж если палач — пускай без красной рубахи.

Март 1983

* *
*

Все, как я просила:
Будет мне, будет
(Господи, спасибо!)
Дальняя дорога
И новые люди.
Будет мне, будет
Бездомная песня
И гордая память.
Будет мне небо,
Добытое честью,
И плащ под стопами.
Будет мне —
Когда же? —
Счастливая сказка
В полыни и мяте,
Платье, полумаска,
Кружевная пляска...
И никто не скажет:
— Пожила и хватит!

Март 1983

Куклу с моющимися волосами,
С голубыми испуганными глазами,
С круглой попкой и пальчиками-конфетками
Во дворе купала дочка соседки.
Вдохновенный обряд напоказ творила:
Наливала воду, взбивала мыло,
Локтем пробовала: не горячо?
И лила на розовое плечо —
Дорогое, немецкое (мягкий пластик!).

Мы сгорали молча в жестокой власти
Аккуратных ресничек в шелковых бликах,
Добросовестных щечек цвета клубники,
Русых локонов и лодыжек зябких,
И бесстыдства кружев, снятых хозяйкой.

А наш худенький круг обходила зависть.
... И моргала пластмассовыми глазами,
И уже выбирала: кого — себе —
Навсегда? Кому судьба — поседеть
У нее под мякотью локотка,
В пышной сласти сахарного лотка,
В нежной ванночке, что в коробку — комплект —
Упакована? Кто за входной билет
В изобильную благодать
Первым взносом — попросит дать
Поддержать! Дотронуться! Посмотреть!
Заплати — и конец игре!

И щенкам, посягающим на газон,
И слезам над обиженной стрекозой,

И еще чему-то. Мы узнали это,
Отступая в босяцкую вольность лета:
К самодельным коням, хворостинке-шпаге,
Треугольному киверу из бумаги...

Как с арены звери, толча опилки,
Мы ушли, деревянно держа затылки,
И свой гордый выбор перестрадали,
Подчиняя сердце такту сандалий.

Март 1983

В. Сендерову

О нем толковали по всем лагерям,
Галдели в столыпинских потных вагонах,
И письма писали о нем матерям,
И бредили в карцере хрипнувшим горлом.
Давно ли сидит он — не помнил никто,
Но знали: делился пайком и заваркой,
И отдал мальцу на этапе пальто,
А в зоне голодных кормил с отоварки.
И, спутав со слухом невнятную быль,
Гадали: за что он влетел в арестанты?
Одни говорили: за то, что любил.
Другие шептали, что за пропаганду.
А он им паек в колбасу превращал,
Лечить их не брезгал — чесотка ли, вши ли.
А женщин жалел, понимал и прощал.
И даже не требовал, чтоб не грешили.

Он боль унимал возложением руки,
Учил: вы не звери, пора бы из клеток...
И самые верные ученики
Его продавали за пачку таблеток.
А он говорил: ваши души во тьме,
И что, мол, с вас спросишь.
И гневался редко.
А впрочем, болтали в Бутырской тюрьме,
Что он за донос изувечил наседку.
Одни уходили, отмаявши срок,
Другие амнистии ждали напрасно,

А он под нее и попасть бы не мог,
Поскольку считался особо опасным.

Но четверо зэков, уйдя по домам,
О нем записали, что знали, в тетрадку.
Их тут же забрали, и к новым делам
Подшили их записи — все по порядку.
И взяли его — неизвестно куда.
И где он теперь — в рудниках или ссылке,
А может, под коркой сибирского льда —
Спросите попутчиков на пересылке.

Март 1983

* *

*

Кому мечта по всем счетам оплатит,
Кому позолотит пустой орех...
А мне скулит про бархатное платье,
Вишневое и пышное, как грех.
О, недоступное! Не нашей жизни!
И негде взять, и некуда надеть...
Но как мне хочется!
Резонной укоризне
Наперекор — там, в самой тесноте
Сердечных закутков — цветет отрава
Тяжелых складок, темного шитья...

Ребяческое попранное право
На красоту! Не хлеба, не жилья —
Но королевских небеленых кружев,
Витых колец, лукавых лент — ан нет!
Мой день, как ослик, взнуздан и нагружен,
А ночь пустынна, как тюремный свет.
Но я в душе — что делать! — виновата,
Все шью его, и тысячный стежок
Кладу в уме, застегивая ватник
И меряя кирзовый сапожок.

Апрель 1983

У изменницы и отступницы,
У сучка в державном глазу,
У особо опасной преступницы —
Ну и смеху! — режется зуб.
По-цыплячьи стучится, лезет,
Ничего не желая знать.
Что с того, что окно в железе?
Все растет — на то и весна!
Приговор мой ждет утверждения,
Заседает Верховный суд...
Тут бы хныкать о снисхожденье —
Но мешает крамольный зуб!
Прет наружу целое утро,
И скворцом трещит голова...
Непутевая моя мудрость,
Вот нашла, где качать права!
Что поделать? А завтра обыск!
Обнаружат, подымут вой,
И за то, что не смотрят в оба,
Нагоняй получит конвой...
По инструкции — не положен
Острый, режущий сей предмет!
Как так вырос? Да быть не может!
Да такого в правилах нет!
Ишь, нахалка, что вытворяет!
Это слыханные ль дела?
Где другие — зубы теряют,
Эта — новенький завела!
Может, сунули в передачу?

Может, это хитрый протез
С телекамерой? Не иначе,
Как на денежки НТС!
И пойдут по столам бумаги,
И начальник тюрьмы вздохнет:
— Поскорее бы сплавить в лагерь!

Потерпите еще денек!
Есть у нас на шальных поэтов
Наш гуманный Верховный суд:
Утвердят приговор, и поеду.
Может, крылышки отрастут!

Апрель 1983

* *

*

...Сегодня утро пепельноволосо.
И, обнимая тонкие колени,
Лениво наблюдаю птичью россыпь
Во влажном небе...

Бремя обновлений

Сегодня невесомо: ни печалей,
Ни берега в бездонной передышке.
И ремешки отброшенных сандалий
Впечатаны в скрещенные лодыжки.
И безмятежный взор влекут осколки
Витых ракушек, сохнувшие сети,
Песчинки да сосновые иголки,
Да звон и легкость бытия на свете.

Апрель 1983

Помолчи — проси
Не губить — простить,
Помолчи — скажи
Слово — и спаси
Сам себя! Во лжи —
Хочешь? — Воскреси
Униженьем — жизнь!
Ну?! И — хруст в кости.

Но старинной твердости взгляд — ответ,
Голубых кровей отраженный свет,
Гул молчания — княжьего — палачу —
Ни полслова! С телеги — толпе — молчу!
Как суду — ни бровью, так вам — ни стон,
Ни холопский — в четыре конца — поклон!

Привыкать ли: с закинутой головой
К эшафоту — под радостный зверий вой,
Четкой поступью — медленно — по плевкам,
Да по грязной соломе, да по векам;
Не оправдываясь — не пристанет ложь! —
Той же смертной дорогой и ты пройдешь.
И российской совестью — в прорву лет —
Двухголосье молчания грянет вслед.

3.6.83

I

Мандельштамовской ласточкой
Падает к сердцу разлука,
Пастернак посылает дожди,
А Цветаева — ветер.
Чтоб вершилось вращенье вселенной
Без ложного звука,
Нужно слово — и только поэты
За это в ответе.

И раскаты весны пролетают
По тючевским водам,
И сбывается классика осени
Снова и снова.
Но ничей еще голос
Крылом не достал до свободы,
Не исполнил свободу...
Хоть это и русское слово.

II

Ты себя не спрашивай — поэт ли?
Не замедлят — возведут в пииты!
Все пути — от пули и до петли —
Для тебя с рождения открыты.

И когда забьется человечье —
Ты поймешь, мотив припоминая:
От Елабуги до Черной речки —
Широка страна моя родная.

1983

А может, проще — новостью в письме:
— Ты знаешь... Оказалось... Что ж, мужайся!
Ты сильная... И удержи ли смех
Над смятыми листками? Как прижаться
Дырой, где было сердце — только что, —
К рукам — уже ненужным и неважным?
И дальше — как? За гранью? За чертой
Непреступаемой? Отмеренной? Бумажной?
Ох, только бы не так! Не через вас,
Мои! Пускай не вы, пускай другие!
Ведь нет пощады! Но другую гибель —
Цемент ли, пуля! — Только не слова!
А впрочем, что я горожу? Не мне —
В друзьях сомненье допустить, в любимом —
Смятенье допустить! Единым "нет" —
Я отмечаю допущенье грима
На самых верных душах всей земли,
На самых яростных и самых гордых!
Что, волчий век? Воротишь зверью морду?
Кому кого бояться — знаешь?
Или...

15.7.83

Тане Великановой

Неумелая пила,
Пышные опилки.
Предосенние дела.
Доживем до ссылки!
Скоро, скоро на этап,
В теплый свитер — скоро,
А свобода — по пятам
С матерщиной пополам,
Сыском да надзором!

Восемьдесят третий год —
Солью, не хлебами —
Вхруст по косточкам пройдет,
Переломится вот-вот!
Недорасхлебали.

За ворота, за предел —
С каждой нотой выше!
Тихий ангел отлетел.
Нам судьба накрутит дел —
Дайте только выжить!

Ну, до встречи где-нибудь.
Зэковское счастье —
Улыбнись!
Счастливый путь.
Нету сил прощаться.

1.9.83

* *

*

Что-то завтра, кораблик наш, Малая зона,
Что-то сбудется там?
По какому закону —
Скорлупкой по мертвым волнам?
Весь в заплатках и шрамах,
На слове — на честном — одном —
Чьей рукою храним наш кораблик,
Наш маленький дом?
Кто из нас доплывет, догребет, доживет —
За других,
Пусть расскажет: мы знали
Касание этой руки.

18.9.83

Что ты помнишь о нас, мой печальный,
Посылая мне легкие сны?
Чем ты бредишь пустыми ночами,
Когда стены дыханью тесны?
Вспоминаешь ли первые встречи,
Дальний стан, перекрестки веков?
Говорит ли неведомой речью
Голубое биенье висков?

Помнишь варваров дикое стадо,
И на гребне последней стены
Мы — последние — держим осаду,
И одною стрелой сражены?
Помнишь дерзкий побег на рассвете,
Вдохновенный озноб беглецов,
И кудрявый восточный ветер,
Мне закидывающий лицо?

Я не помню, была ли погоня,
Но наверно отстала вдали,
И морские веселые кони
Донесли нас до теплой земли.
Помнишь странное синее платье —
И ребенок под шалью затих...
В этот год исполнялось проклятье,
И кому-то кричали: "Мы — братья!",
А кого-то вздымали на штык...

Как тогда мы друг друга теряли —
В суматохе, в дорожной пыли —
И не знали: на день, навсегда ли?

И опять — узнаёшь ли — нашли!
Через смерть, через годы и годы,
Через новых рождений черты,
Сквозь забвения темные воды,
Сквозь решетку шепчу: это ты!

8.10.83

Помню брошенный храм под Москвою:
Двери настезь, и купол разбит.
И, дитя заслоняя рукою,
Богородица тихо скорбит —
Что у мальчика ножки босые,
А опять впереди холода,
Что так страшно по снегу России —
Навсегда — неизвестно куда —
Отпускать темноглазое чадо,
Чтоб и в этом народе — распять...
— Не бросайте камня, не надо!
Неужели опять и опять —
За любовь, за спасенье и чудо,
За открытый бестрепетный взгляд —
Здесь найдется российский Иуда,
Повторится российский Пилат?

А у нас, у вошедших, — ни крика,
Ни дыхания — горло свело:
По ее материнскому лику
Процарапаны битым стеклом
Матерщины корявые буквы!
И младенец глядит, как в расстрел:
Ожидайте, Я скоро приду к вам!
В вашем северном декабре
Обожжет Мне лицо, но кровавый
Русский путь Я пройду до конца,
Но спрошу вас — из силы и славы:
Что вы сделали с домом Отца?

И стоим перед Ним изваянно,
По подобию сотворены,
И стучит нам в виски окаянным
Ощущение общей вины.
Сколько нам — на крестах и на плахах —
Сквозь пожар материнских тревог —
Очищать от позора и праха
В нас поруганный образ Его?
Сколько нам отмывать эту землю
От насилия и от лжи?
Внемлешь, Господи? Если внемлешь,
Дай нам силы, чтоб ей служить.

12.10.83

* *

*

Вот и стихли крики, Пенелопа,
Покрывало в сторону!
Он вернулся, твой высоколобый,
К сыну и престолу.
К лошадям своим и горожанам,
К ложу из оливы...
Ни разлучница не удержала,
Ни эти, с Олимпа.
Вытер меч, меняя гнев на милость,
Дышит львино...
Раз его рука не усомнилась —
Значит, нет невинных!
Всем злодеям вышло наказание
От законной власти...
Вот рабыни смоят кровь с мозаик —
И начнется счастье.

9.11.83

ТАНЕ И ВАНЕ (ОСИПОВОЙ И КОВАЛЕВУ)

Я проеду страною —
В конвойной свите,
Я измучу людским страданием глаза,
Я увижу то, что никто не видел —
Но сумею ли рассказать?

Докричу ли, как мы такое можем —
По разлуке, как по водам?
Как становимся мы на мужей похожи —
Взглядом, лбом, уголками рта.
Как мы помним — до каждой прожилки кожи —
Их, оторванных на года,
Как мы пишем им: "не беда",
Мы с тобою — одно и то же,
Не разнять!

И звучит в ответ
Твердью кованное "навек" —
То стариннейшее из словес,
За которым — без тени — свет.

Я пройду этапом,
Я все запомню —
Наизусть — они не смогут отнять! —
Как мы дышим —
Каждый вдох вне закона!
Чем мы живы —
До завтрашнего дня.

12.11.83

Я доживу и выживу, и спросят:
Как били головою о топчан,
Как приходилось мерзнуть по ночам,
Как пробивалась молодая проседь...
Я улыбнусь. И что-нибудь сострою,
И отмахнусь от набежавшей тени.
И честь воздам сухому сентябрю,
Который стал моим вторым рождением.

И спросят: не болит ли вспоминать,
Не обманувшись легкостью наружной.
Но грянут в памяти былые имена —
Прекрасные — как старое оружие.
И расскажу о лучших всей земли,
О самых нежных, но непобедимых,
Как провожали, как на пытку шли,
Как ждали писем от своих любимых.

И спросят: что нам помогало жить,
Когда ни писем, ни вестей — лишь стены,
Да холод камеры, да чушь казенной лжи,
Да тошные посулы за измену.

И расскажу о первой красоте,
Которую увидела в неволе:
Окно в морозе! Ни дверей, ни стен,
И ни решеток, и ни долгой боли —
Лишь синий свет на крохотном стекле,
Витой узор — чудесней не приснится!
Ясней взгляни — и рассветет сильней:
Разбойничьи леса, костры и птицы!

И сколько раз бывали холода,
И сколько окон с той поры искрилось —
Но никогда уже не повторилось
Такое буйство радужного льда!
Да и за что бы это мне — сейчас,
И чем бы этот праздник был заслужен?
Такой подарок может быть лишь раз.
А может быть, один лишь раз и нужен.

30.11.83

* *

*

Вот и кончена пляска по синим огням,
По каленым орешкам углей.

Вот и роздых оранжевым пылким коням,
А тепло все смуглей и смуглей.

Оскудевшей лошадкой остатки лови —
Не держи — отпускай на скаку!

Остыванье камина печальней любви,
Обреченной котенка в снегу.

А когда догорит, отлетит и умрет,
Как цыганский костер на песке —

То останется маленький грустный зверек,
Охвативший колени в тоске.

Что ж, не все танцевать этой долгой зимой,
Раз никак не кончается год!

И теряется в сумерках тоненький вой,
Унесенный в пустой дымоход.

Что ж, не все баловаться, свиваясь кольцом,
Да хвостом разводить вензеля...

И хотелось бы года с хорошим концом —
Да остыла под лапкой зола...

Не скули, дурачок, мы газету зажжем —
Всю подшивку — в разбойничий дым!

Хоть и мало тепла — да горит хорошо!
Потанцуем, а там поглядим.

3.12.83

Вот и снова декабрь
Расстилает холсты,
И узорчатым хрустом
Полны мостовые,
И напрасно хлопочут
Четыре стихии
Убережь нас от смертной
Его чистоты.

Пустим наши планеты
По прежним кругам —
Видно, белая нам
Выпадает дорога.
Нашу линию жизни
Залижут снега —
Но еще нам осталось
Пройти эпилогом.

И упрямых следов
Оставляя печать,
Подыматься по мерзлым ступеням
До плахи —
И суровую холодность
Чистой рубахи
Ощущать благодатью
На слабых плечах.

1983

А я не знаю, как меня убьют:
Пристрелят ли в начале заварухи —
И я прижму растерянные руки
К дыре, где было сердце...
И сошьют
Мне белую легенду, и примерят,
И нарядят — потом уже, потом,
Когда окончится! Когда сочтут потери,
Протопят каждый уцелевший дом
И вдруг смутятся, затворяя двери,
И загрустят, неведомо о ком.

А может, даже раньше — хоть сейчас:
Разденут — и в бетон, в окочененье
Законное! За подписью врача —
В калеки, в смертники — на обучение!
Чтобы не дрогнув — медленно — до дна!
Согласно предписаниям режима.
О, белая легенда! Холодна
И — с головы до пят — неотторжима!

Декабрь 83

Я сижу на полу, прислонясь к батарее, —
Южанка, мерзлячка!
От решетки под лампочкой тянутся длинные тени.
Очень холодно.
Хочется сжаться в комок по-цыплячьи.
Молча слушаю ночь,
Подбородок уткнувши в колени.
Тихий гул по трубе,
Может пустят горячую воду!
Но сомнительно.
Климат ШИЗО. Мезозойская эра.
Кто скорей отогреет — Державина твердая ода,
Марциала опальный привет,
Или бронза Гомера?
Мышка Машка стащила сухарь
И грызет за парашей,
Двухдюймовый грабитель,
Невиннейший жулик на свете.
За окном суета,
И врывается в камеру нашу —
Только что со свободы —
Декабрьский разбойничий ветер.
Гордость Хельсинкской группы не спит —
По дыханию слышу.
В пермском лагере тоже не спит
Нарушитель режима.
Где-то в Киеве крутит приемник
Другой одержимый...
И встает Орион,
И проходит от крыши до крыши.

И печальная повесть России
(А может, нам снится?)
Мышку Машку, и нас, и приемник,
И свет негасимый —
Умещает на чистой, еще непечатой странице,
Открывая на завтрашний день
Эту долгую зиму.

16.12.83

Илюше

О чайной ложечке любви
Давай грустить, мой друг далекий!
О том, что бесконечны сроки,
Что так суровы все пророки —
И хоть бы кто благословил!

Мой друг, давай грустить о том,
Как я из марта прибегала,
Ты ждал в дверях,
И в добрый дом
Вводил. И занавес вокзала
Был так нескоро, что цвела
Обломленная наспех ветка —
И в робость воскового цвета
Каморка тесная плыла.

Давай грустить о том, что мы
Так щедро молоды поныне —
Но нам, рожденным на чужбине
С судьбой скитанья и гордыни, —
Искать ли родину взаимы?
Как онемевший бубенец —
Сердечный спазм.
Сейчас отпустит.
Как впереди бездонно пусто!
Но есть у самой долгой грусти
Одна улыбка под конец.

30.12.83

Есть у нашей совести два оттенка,
Два молчания, две стороны застенка.
Сколько лет старались забыть! Однако
В алфавите два молчаливых знака:
Мягкий — круглый, родственный и лояльный,
И старинный твердый, ныне опальный.

Сколько раз его, гордого, запрещали,
Из машинок выламывали клещами,
Заменяли апострофом, и у слов
Обрубали концы, чтоб ни-ни! Крылом,
Лебедь стриженный, не зачерпнешь утра,
Не почувствуешь осенью, что пора,
В холода высот не рванешь из жил —
Захлебнешься сном, не узнав, что жил.

И споют тебе колыбельный гимн
Медным горлышком, чтоб на страх другим!
Самиздатский томик — в архивный тлен —
Крысьей лапкой на склизком листать столе,
Мягкой пылью — тише! — стелить шажок,
И — шнурок на вдох: помолчи, дружок!

1984

А в этом году подуло весной
Четвертого февраля.
И на взмыленной лошади вестовой
В нелепом мундире старинных войн
Промчал по мерзлым полям.
Прокатали мускулы облаков
По всем горизонтам гром,
И запели трубы былых полков
Смертью и серебром.
И по грудь в весне провели коней,
И намокли весной плащи,
А что там могло так странно звенеть —
Мне было не различить.
Но рвануло сердце на этот звон,
И усталость крылом смело.
И это был никакой не сон:
Было уже светло.

4. 2. 84

* *
*

Сойдем с ума печальною весной,
Когда снега вздыхают об апреле,
Когда уже грозит подрыв основ
Сугробам; и камины догорели.
Когда стоит над нами Орион,
Но наплывают странные созвездья,
Когда из мира не приходят вести,
Но он такой душою 'озарен,
Что прорывается в молчание утрат —
С ума сойти! Какого ветра милость?
Вот так проснешься как-нибудь с утра —
И все исполнится,
Как только что приснилось.

2. 3. 84

* *

*

Дай мне кличку, тюрьма,
В этот первый апрель,
В этот вечер печали,
С тобой разделенный,
В этот час твоих песен
О зле и добре,
Да любовных признаний,
Да шуток соленых.
У меня отобрали
Друзей и родных,
Крест сорвали с цепочки
И сняли одежду,
А потом сапогами
Лупили под дых,
Выбивая с пристрастьем
Остатки надежды.

Мое имя подшито —
И профиль, и фас —
В нумерованном деле.
Под стражей закона —
Ничего моего!
Так же, как и у вас
Ничего, ничего!
На решетке оконной —
Вот я весь — окрести,
Дай мне имя, тюрьма,
Проводи на этап
Не мальчишку, а зэка,

Чтоб встречала меня
Потеплей Колыма,
Место ссылок и казней
Двадцатого века.

1984

* *

*

Так закат воспален, что не тронь!
Ну так что же?
В общем, все хорошо. А детали —
Ну что же детали...
Мы давно не от мира газет
Да словес, прилипающих к коже,
Да Иудиных цен.
Даже страхи — и те растеряли.

Мы давно отмолчали допросы,
Прошли по этапу,
Затвердили уроки потерь —
Чтоб ни слез и ни звука!
Мы упрямо живем —
Как зверек, отгрызающий лапу,
Чтоб уйти из капкана на трех, —
Мы освоили эту науку.

И с отважной улыбкой —
Так раны бинтуют потуже —
Мы на наши сомненья
Печальные ищем ответы.
А на наши печали — найдется трава...
Почему же
Так закат воспален,
Что глаза не сомкнуть до рассвета?

Апрель 1984

* *

*

Лилии да малина,
Горностаи, белые псы,
Да знамена в размахах львиных,
Да узорчатые зубцы.
По настилам гремят копыта,
Вороненная сталь тепла.
И слетает кудрявый свиток
С перерубленного стола.
А с небес — знаменья да рыбы,
Чьи-то крылья и голоса.
Громоздятся в соборах глыбы,
Но пророки ушли в леса.
Рук иудиных отпечатки
На монетах — не на сердцах.
Но отравленные перчатки
Дарят девушкам во дворцах.

12. 4. 84

* *

*

Нарядили в тяжелое платье.
И прекрасной дамой назвали.
И писали с нее Божью Матерь,
И клинки на турнирах ломали.
И венцы ей сплетали из лилий,
И потом объявили святой.
И отпели и похоронили —
А она и не знала, за что.

Апрель 1984

Все дела заброшу —
Поминайте лихом!
Сяду на трамвайчик,
Поеду к портникам,
Чтоб захлопотали,
Как куклу, вертели,
Чтобы сшили платье
Цвета карамели!
Три мои портники:
Одна молодая,
Другая постарше,
А третья седая...
Вот они над платьем
Мудрят, как и прежде:
Первая отмерит,
Вторая отрежет,
Третья на булавки
Прикинет: любуйся!
Иголкой прихватит
И нитку откусит.
— Ишь, как засветилось!
Облако, не платье!
Надень без заботы,
Сомни на закате,
Танцуй, с кем захочешь,
Но помни слово:
Как разлюбишь сласти —
Ты придешь к нам снова.
За вечерним платьем,
За цветом печали...
Проводили садом
И вслед помахали.

Месяцы ли, годы
Буду вспоминать я
Как меня кружило
Молодое платье,
Как одна смеялась,
Одна подмигнула...
Почему же третья —
Седая — вздохнула?

6. 6. 1984

* *

*

Ну, так будем жить,
Как велит душа,
Других хлебов не прося.
Я себе заведу ручного мыша,
Пока собаку нельзя.
И мы с ним будем жить-поживать,
И письма читать в углу.
И он залезет в мою кровать,
Не смывши с лапок золу.

А если письма вдруг не придут —
(Ведь мало ли что в пути!) —
Он будет, серенький, тут как тут
Сердито носом крутить.
А потом уткнется в мою ладонь:
Ты, мол, помни, что мы вдвоем!
Ну не пить же обоим нам валидол,
Лучше хлебушка пожуюм!

Я горбушку помятую разверну,
И мы глянем на мир добрей.
И мы с ним сочиним такую страну,
Где ни кошек, ни лагерей.
Мы в два счета отменим там холода,
Разведем бананы в садах...
Может нас после срока сошлют туда,
Но вернее, что в Магадан.

Но, когда меня возьмут на этап
И поведут сквозь шмон —

За мной увяжется по пятам
И всюду пролезет он.
Я его посажу в потайной карман,
Чтоб грелся под стук колес.
И мы сахар честно съедим пополам —
По 10 граммов на нос.

И куда ни проложена колея —
Нам везде нипочем теперь.
Мы ведь оба старые зэки — я
И мой длиннохвостый зверь.
За любой решеткой нам будет дом,
За любым февралем — весна...

А собаку мы все-таки заведем,
Но в лучшие времена.

1984

* *

*

Их пророки обратятся в ветер,
В пепел обратятся их поэты,
И не будет им дневного света,
Ни воды, и не наступит лето.
О, конечно, это справедливо:
Как земля их носит, окаянных!
Грянут в толпы огненные ливни,
Города обуглятся краями...
Что поделать — сами виноваты!
Но сложу я договор с судьбою,
Чтобы быть мне здесь
И в день расплаты
Хоть кого-то заслонить собою.

1984

* *

*

И за крик из колодца "мама!",
И за сшибленный с храма крест,
И за ложь твою "телеграмма",
Когда с ордером на арест, —
Буду сниться тебе, Россия!
В окаянстве твоих побед,
В маяте твоего бессилья,
В похвальбе твоей и гульбе.
В тошноте твоего похмелья —
Отчего прошибает испуг?
Все отплакали, всех отпели —
От кого ж отшатнешься вдруг?
Отопрись, открутись обманом,
На убитых свали вину —
Все равно приду и предстану,
И в глаза твои загляну!

5. 7. 1984

* *

*

Когда-нибудь, когда-нибудь
Мы молча завершим свой путь
И сбросим в донник рюкзаки и годы.
И, невесомо распрямясь,
Порвем мучительную связь
Между собой и дальним поворотом.

И мы увидим, что пришли
К такому берегу Земли,
Что нет безмолвней, выжженной и чище.
За степью сливы расцветут,
Но наше сердце дрогнет тут:
Как это грустно — находить, что ищем!

Нам будет странно без долгов,
Доброжелателей, врагов,
Чумных пиров, осатанелых скачек.
Мы расседлаем день — пастись,
Мы удержать песок в горсти
Не попытаемся — теперь ведь все иначе.

Пускай победам нашим счет
Другая летопись ведет,
А мы свободны — будто после школы.
Жара спадет, остынет шлях,
Но на оставленных полях
Еще звенят медлительные пчелы.

Ручей нам на руки польет,
И можно будет смыть налет
Дорожной пыли — ласковой и горькой.
И в предвечерней синеве
Конь переступит по траве
К моей руке — с последней хлебной коркой.

16. 6. 1984

* *

*

Нас Россией клеймит
Добела раскаленная вьюга,
Мракобесие темных воронок
Провалов под снег.
— Прочь, безглазая, прочь!
Только как нам уйти друг от друга —
В бесконечном круженье,
В родстве и сражении с ней?

И когда, наконец, отобьешься
От нежности тяжелой
Самовластных объятий,
В которых уснуть — так навек,
Все плывет в голове,
Как от первой ребячьей затяжки,
И разодраны легкие,
Как нестандартный конверт.

А потом ожидая, пока отойдет от наркоза
Все, что вышло живьем
Из безлюдных ее холодов, —
Знать, что русские ангелы,
Как воробьи на морозах,
Замерзают под утро
И падают в снег с проводов.

4. 8. 1984

* *
*

Завтра будет прилив,
Сгонит отару вод
Северный ветер,
Сдвинутся корабли.
Небо вкось поплывет.
Что случится на свете?
Выгнется линзой свод,
Хрупкий взметнут балет
Птицы-чаинки.
Выступит мед из сот,
И покачнутся в земле
Чьи-то личинки.

Дети чужих зверей
Стиснут в мехах сердца —
Шорох по норам...
Ветер, то ли свирель —
Не угадать лица —
Будет, и скоро.
Знают сверчки небес,
Рации всех судов
Пеленг сосновый.
Нордом сменится Вест.
Смоется след водой.
Ступишь ли снова?

5. 8. 1984

* *

*

Если выйти из вечера прямо в траву,
По асфальтовым трещинам — в сумрак растений,
То исполнится завтра же — и наяву
Небывалое лето счастливых знамений.
Все приметы — к дождю,
Все дожди — на хлеба,
И у всех почтальонов — хорошие вести.
Всем кузнечикам — петь,
А творцам — погибать
От любви к сотворенным — красивым, как песни.

И тогда, и тогда —
Опадет пелена,
И восторженным зреньем — иначе, чем прежде, —
Недошедшие письма прочтем,
И сполна
Недоживших друзей оправдаем надежды.
И подыдем из пепла
Наш радостный дом,
Чтобы встал вдохновенно и неколебимо.
Как мы счастливы будем — когда-то потом!
Как нам нужно дожить!
Ну не нам — так любимым.

3. 10. 1984

* *

*

Этот вечер для долгой прогулки.
Серый час, как домашняя кошка,
Теплой тенью скользит у колена,
А подъезды печальны и гулки.
Ты надень свою старую куртку.
Мы набьем леденцами карманы
И пойдем, куда хочется сердцу,
Безо всякого дальнего плана.
По заросшим ромашкой кварталам,
Где трамвай уже нынче не ходит,
Где открытые низкие окна,
Но старушек в них прежних не стало.

Так мы выйдем к знакомому дому,
И увидим на спущенной шторе
Тень хозяина, и улыбнемся:
Кто сегодня в гостях, с кем он спорит?
Мы замедлим шаги: не зайти ли?
Но заманят нас сумерки дальше,
Уведут, как детишек цыгане,
Как уже много раз уводили.
И тогда, заблудившись, как дети,
В незнакомом обоим предместье,
Вдруг очнемся: мы живы и вместе!
И вернемся домой на рассвете.

1984

”...И БОЖЬЯ РУКА НА ПЛЕЧЕ”

п о с л е с л о в и е к к н и г е

Политическое судопроизводство преступно само по себе; осуждение же поэта есть преступление не просто уголовное, но прежде всего антропологическое, ибо это преступление против языка, против того, чем человек отличается от животного. На исходе второго тысячелетия после Рождества Христова осуждение 28-летней женщины за изготовление и распространение стихотворений неугодного государству содержания производит впечатление дикого неандертальского вопля — точнее, свидетельствует о степени озверения, достигнутого первым в мире социалистическим государством.

*Иосиф Бродский**

Данное собрание избранных стихотворений Ирины Ратушинской мы предварили текстом биографии поэтессы, написанным ее мужем И. Геращенко сразу после того, как она была арестована.

* Ирина Ратушинская. СТИХИ. Изд-во ”Эрмитаж” 1984 г. Предисловие И. Бродского.

А 3 марта 1983 года киевский суд приговорил Ратушинскую к 7 годам лагерей и пятилетней ссылке.

Ратушинская отбывает срок в Мордовии, поражая мир своим мужеством: голодовки, карцер, тяжкий труд и болезни — ничто ее не сломило.

Название "избранного" — "Вне лимита" — взято *не* произвольно: именно так и назвала поэтесса свою новую стихотворную сплотку, переправленную на свободу из лагеря, большинство стихотворений которой (наряду с более ранними, написанными еще на воле) — и составляют содержание этой книги.

В небольшом автобиографическом эссе "Моя родина" (1982) Ратушинская рассказала: "Какой-то шок (ток — ?) обрушился на меня в мои 24 года, когда в течение одной недели, почти одновременно (книги дали ненадолго) я прочла Мандельштама, Цветаеву, Пастернака! Это буквально сбило меня с ног, физически, с бредом и температурой! Мне открылась бездна, и, в отличие от всех порядочных кошмаров, я была не на краю — о нет! Я была внизу, в той самой бездне, а край — где-то недосыгаемо далеко вверху! Захрустело и зашаталось мое представление о нашей литературе и о нашей истории. И все это наложилось на бунтовщические порывы, что были во мне всегда, сколько я себя помню"*.

Новейшая российская поэзия вновь выступила в традиционной роли: повивальной бабки с о б о д ы. Она наполняет легкие кислородом, пробивает беспросветную непроницаемость советского

* Там же, с. 11.

мифа. Ратушинская приняла поэзию не как "игру", не как наинужнейшую область изящной словесности и культуры, но — как с л у ж е н и е, как исповедь, проповедь, самое бытие.

Ее лирически требовательное отношение к родине заставляет еще и вспомнить гневные филиппики Хомякова ("В судах черна неправдой черной и игом рабства клеймлена"). Ведь попрек, обличение (когда оно носит "библейский", религиозный характер) — полноправная часть взыскательной конструктивной л ю б в и.

Родная земля — "злая", но:

Да зачтется ей боль моего поколенья,
И гордыня скитаний,
И скорбный сиротский пятак —
Материнским ее добродетелям во
искупленье —

Да зачтется сполна.
А грехи ей простятся и так.

Скорбный сарказм в отношении "материнских добродетелей" родины целительно смягчен добровольной жертвенностью.

Пророческий гнев диаметрально противоположен равнодушному скептическому презрению: этот духовный урок нашей поэзии Ратушинская усвоила крепко.

Вторая часть книги* — дневник хождения по кругам ада: следственная тюрьма, суд, этап, лагерь. Но

* Списки некоторых стихотворений ее — попали на Запад в копиях очень плохого качества, поэтому за полную точность текстов нельзя ручаться. — Сост.

такова феноменология творчества: хлебнув неволи и ГУЛаговского мытарства, голос поэтессы окреп, в нем родились энергии, "спровоцированные" на появление мужеством. Ибо:

В хлорном запахе, в простыне,
Рваных тряпках и грязных стенах,
Разве можно любить сильнее,
Чем отсюда? Не на кресте — но
В тошной муке дверных глазков,
В утонченном хамстве допросов

(...)

Напряженной, святей — нигде
Невозможно любить, любимый!

Поэзия привела Ратушинскую в застенок, но она же — и стала ее помощницей, целительницей, укрепляющей силу духа.

Мужество лирики Ратушинской еще выпуклее на фоне вдруг ощутившихся хрупкости, детскости, женственности — все это проглядывает в ее тюремной лирике в трогательном, вызывающем слезные спазмы единстве.

Форма, размер, рифмы — не выбирают: само в д о х н о в е н и е диктует течение лирического повествования, потому и мастерство определяется его интенсивностью:

В черно-белой гравюре зимы исчезают оттенки,
Громыхает глаголом суровое нищенство фраз.
Пять шагов до окна и четыре от стенки до стенки,
Да нелепо моргает в железо оправленный глаз.

(...)

Снежный маятник стерся: какая по счету неделя?
Лишь темнее глаза над строкою да лоб горячий.

Через жар и озноб — я дойду, я дойду до апреля!
Я уже на дороге.

И Божья рука на плече.

Многие ли из нас имеют счастье сказать о себе такое?

... Думается, что менее всего согласилась бы Ратушинская определить поэзию как "опыт соединения слов посредством ритма". Впрочем, история показывает, что поэзия формообразует драму судьбы даже и самого отпетого формалиста. Поэзия свидетельствует об онтологических корнях человека. Духовное здоровье цивилизации, общества — проверяется степенью наличия в них свободной неверсификационной поэзии и готовности к ее восприятию.

Поэзия — веское доказательство Божьего бытия.

Ю. Кублановский

БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ*

1954, март, 4	Ирина Борисовна Ратушинская родилась в Одессе в семье обрусевших польских дворян.
1971	Окончание средней школы.
1971–1976	Учеба в Одесском гос. университете, физический факультет. Участие в так наз. КВН-ах; подработка на жизнь, чтобы не зависеть от родителей.
1972	Попытка КГБ сделать И. Р. осведомителем. Решительный отказ.
1976, осень	Преподает физику и математику в сред. школе.
1977	Ассистент в Одесском пед. институте.
1977, лето	Предложена работа в экзаменационной комиссии с оговоркой, что к абитуриентам-евреям следует применять особые требования. После отказа — перевод в

* Сведения по март 1986 г.

лаборанты, а спустя некоторое время — увольнение.

- 1979 Вышла замуж за Игоря Геращенко и переехала жить в Киев. "В 25, а не в 15 я начала писать. Да, были, конечно, попытки и раньше, но ведь это были караули ребенка" (И. Ратушинская. Моя родина. В сб. Стихи. — Анн Арбор (США) : Эрмитаж, 1984, с. 11).
- 1980 И. Р. с мужем подают заявления в ОВИР с просьбой выдать заграничные паспорта.
- ноябрь, 18 Беседа в милиции; в выезде неофициально отказано.
- 1980 (или начало 1981) Первое правозащитное письмо — по поводу незаконной высылки акад. А. Д. Сахарова.
- 1981
- до июля, 14, И. Р. с мужем отправили в Президиум Верховного Совета УССР заявление с предложением дополнить Конституцию статьей о праве граждан СССР выезжать на постоянное жительство за границу.
- август, 14–15 Их поочередно доставляют в ГБ, угрожают возбуждением дела за "антисоветскую пропаганду", "измену Родине", требуют, чтобы Ирина прекратила писать стихи. Отказ подписать предупреждение.
- октябрь, 10 Обращение вместе с другими отказниками к прокурору Киева с требованием привлечения к ответственности лиц,

участвовавших в аресте отказника Лоренсона.

- ноябрь, 5 Геращенко уволен с работы.
- декабрь, 10 Участие в демонстрации на Пушкинской площади в Москве. Арест; десять суток И. Р. отбыла в спецприемнике № 2 при Бутырской тюрьме.
- декабрь,
после 20 И. Р. написала очерк о пребывании в спецприемнике. Опубликован в самиздатовском информационном бюллетене СМОТ № 25. Позднее там же опубликованы заметки "К положению в Польше" (№ 29).
- 1982
- апрель, 6 На обыске у В. Сендерова среди прочего изъяты стихи И. Р.
- апрель или
май И. Р. и ее мужа пытались отравить, опрыскав двери ядовитыми веществами.
- июнь, 22 В связи с арестом в Москве В. Сендерова (17. 6. 82) в Киеве проведены обыски у И. Р. и И. Г., а также у их друзей. Изъяты листовки СМОТ, стихи И. Р., религиозная литература.
- июнь Подпись под письмом в защиту В. Сендерова.
- август –
сентябрь, 17 Работа под Киевом на сборе яблок. Лишь после ареста выяснилось, что предложение работать в бригаде шабашников на уборке исходило – с провокационными целями – от ГБ.

- сентябрь, 17, Арест в селе Лишня (Макаровского р-на Киев. обл.) . И. Р. в наручниках увезли в следственный изолятор в Киев.
- осень, зима Обыски у нее на квартире и на квартирах друзей. Обвинение по ст. 62 УК УССР (антисоветская агитация и пропаганда) — в написании стихов. След. дело И. Р. № 18, следователь — кап. Лукьяненко и др.
- осень Восемь москвичей и киевлян пишут открытое письмо в защиту И. Р.
- ноябрь, 7 Киевские друзья и родственники (7 чел.) обращаются в КГБ с протестом против методов ведения следствия.
- 1983
- март, 1—3 Суд в Киевском горсуде (пред. на процессе зам. председателя Киевского горсуда Г. И. Зубец) . И. Р. обвиняется в написании и распространении своих стихотворений "Ненавистная моя родина", "А мы остаемся" и др.; правозащитных документов; статей, опубл. в ИБ СМОТ; хранении антисоветской лит-ры, включая стихи Максимилиана Волошина; устной агитации и пропаганде; "в обвинительном заключении слово "клевета" было повторено 150 раз"; И. Р. отказывается от адвоката — судья отказ отклоняет; И. Р. протестует против фактически закрытого процесса, против признания художественной литературы антисоветской пропагандой; ряд свидетелей отказываются давать показания; иные свидетели говорят о неправильной записи их показаний, о давлении на них во время следствия; И. Р. отказывается от участия

в судебном следствии; И. Р. виновной себя не признала; в последнем слове пыталась читать стихотворение "Ненавистная моя Родина" и была лишена последнего слова.

- март, 3 Приговор: 7 лет лагеря строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет. Эта высшая — по данной статье — мера наказания впервые за многие годы применена к женщине.
- март Кассационная жалоба; отказ от адвоката. Угрозы со стороны ГБ мужу и друзьям И. Р.
- апрель, 7 Кассационная инстанция — Верховный суд УССР (пред. Л. М. Чайковский, заседатели В. С. Ляскин, В. Л. Шидловский) — утвердила приговор, исключив ряд эпизодов (шуточное стихотворение, черновик неотправленного письма); кассационное определение на руки И. Р. не выдано.
- апрель, 12 Отправка этапом в Мордовию; перед выездом изъяты копии приговора и обвинительного заключения.
- апрель, 18 Прибытие в женскую политзону в Мордовии (учрежд. ЖХ-385/3-4). И. Р. самая молодая узница Мордовского концентрационного лагеря.
- август, 9 Лишение ларька и свидания за отказ носить "нагрудный знак" (бирку).
- август, 9-12 Голодовка протеста против лишения свидания.

август, 12	Постановление о лишении свидания отменено. Заявление женщин-политзаключенных, включая И. Р., об отказе носить бирки.
август или сентябрь	Свидание И. Р. с мужем.
август, 17–29	В связи с отправкой в ШИЗО Н. Лазаревой и Т. Осиповой оставшиеся в зоне союзницы проводят голодовку. Среди них – И. Р.
август, 24	И. Р. вместе с Т. Великановой и Р. Руденко изолировали в больницу.
август, 25	Принудительное кормление с применением наручников; И. Р. при этом потеряла сознание.
сентябрь, 6	Заявление женщин-политзаключенных участникам Мадридской встречи.
сентябрь, 7–15	8-дневная голодовка "в защиту своих сограждан".
октябрь, 30	Голодовка в День политзаключенного.
ноябрь	Ухудшение состояния здоровья И. Р.
ноябрь, 24 – декабрь, 2	Помещена в лагерную больницу.
ноябрь, 25	Подписала "Обращение к мировой общественности в защиту Н. Лазаревой".
декабрь, 7–19	В ШИЗО в больном состоянии на 12 суток (Осиповой – 15).

декабрь, 10	Голодовка в День прав человека.
декабрь, 21 (по 4. 1. 84)	Голодовка в защиту Н. Лазаревой, которую больной поместили в ШИЗО. С 23. 12. И. Р. сама помещена в ШИЗО. на 12 суток — вместе с Лазаревой. В новогоднюю ночь И. Р. читает новые стихи Лазаревой и уголовникам из соседних камер.
1984	
январь, 30— февраль, 13	Снова (на этот раз с Осиповой) помещена в ШИЗО на 15 суток за невыход на работу и отказ носить нагрудную бирку.
февраль, 13—17	Участие в голодовке в поддержку союзницы Беляускене.
март, 12	Помещена в лагерную больницу.
март, 14—26	Новая голодовка. На этот раз — в защиту Лазаревой.
март, 22	В связи с голодовкой изолирована в бокс психиатрического отделения лагерной больницы.
апрель	Администрация прерывает всякую переписку И. Р.
май	В мае конфискованы семь писем от мужа и все ее письма.
май, 7	Мужу сообщено, что И. Р. лишена свидания "за отказ от работы".
июнь, 6	Перевод женщин-политзаключенных в

другую мордовскую зону (учрежд. ЖХ—385/3—3).

июнь	Отказ от очередного свидания.
июнь, 19	И. Р. объявила 10-дневную голодовку протеста.
конец июня— начало сентября	И. Р. и Т. Осипова наказаны ПКТ сроком на 2 месяца.
осень	По окончании срока ПКТ И. Р., по-видимому, отправлена в след. изолятор КГБ Мордовской АССР "на перевоспитание".
октябрь, 30	Принимает участие в голодовке в День политзаключенного.
ноябрь, после 7	Вместе с союзницами подписала поздравление Р. Рейгану в связи с его переизбранием на пост президента США.
декабрь, 10	Голодовка в День прав человека.
1985	
апрель—май	В обращении ко всем европейским парламентариям И. Геращенко сообщает: "За эти два года Ирину продержали в карцере 138 суток. Пять раз подряд Ирину лишали свидания".
конец весны	И. Р. переведена в тюрьму КГБ г. Саранка для "перевоспитания".
август, 7—14	Наказана 7 сутками ШИЗО в женском уголовном лагере ЖХ—385 /Явас/. По дороге в ШИЗО И. Р. потеряла сознание

и получила сотрясение мозга. Надзиратели бытового лагеря избили ее.

- август, после 14 После отбывания срока ШИЗО возвращена в зону с диагнозом "сотрясение мозга". Пытается подать в суд на избивавших.
- август, 21 Водворена в ПКТ сроком на 5 суток за "симуляцию сотрясения мозга".
- октябрь, 30 В День политзаключенного объявила голодовку с требованием прекратить издевательства.
- ноябрь, 12 После того, как ПКТ стали отапливать, прекратила голодовку.
- 1986
- осень 1985—
— зима И. Р. болеет сыпным тифом, в связи с чем острижена наголо.
- март, 19 Лишена свидания с уже приехавшими мужем и матерью за то, что не встала при приходе врача.

Биографический комментарий подготовлен по данным Архива Самиздата, бюллетеня "Вести из СССР" (Мюнхен), Фонда им. Буковского (Амстердам) и по др. материалам.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Геращенко. О Ирине Ратушинской

7

I

"И я развязала старый платок..."	13
"Не надо просить о помощи..."	14
"Я напишу о всех печальных..."	15
"Не исполнены наши сроки..."	16
"Сквозь последний трамвай протолкаюсь — во славу ничью..."	17
"Самый легкий мне дан смех..."	18
"Ах какая была весна!"	19
"А рыбы птицами мнят себя..."	20
"Есть далекая планета..."	21
"Мимо идущий, не пей в этом городе воду..."	22
"Скажи мне правду, цыганка..."	23
"Я вернусь в Одессу, вернусь..."	24
"Ни в топот твоего коня..."	25
"Отпусти мой народ..."	26
"Почему..."	27
"Вот он над нами — их жертвенный плат..."	28
"Что-то грустно, и снов не видно..."	29
"Сколько мне ни приходится смахивать снег..."	30
"Ну возьми же гитару..."	31
"Не для меня византийский наклон..."	33
Бутырские воробы	34
"Сия зима умеет длиться..."	35
"На моей печи..."	36

"Как стеклянный шарик — невесть куда закатиться..."	37
"Под черным зонтиком апреля..."	38
"С польским грошиком на цепочке..."	39
"В идиотской курточке..."	40
"Как бездарно ходит судьба..."	41
"Кому дано понять прощанье..."	42
"Ах как холодно в нашей долине..."	43
"Где вместо воздуха — автобусная брань..."	44
"Что же стынут ресницы..."	45
"Не берись совладать..."	46
"Отчего снега голубые?"	47
"Ненавистная моя родина!"	48
"Господи, что я скажу, что не сказано прежде?"	49

II

"Круто сыплются звезды, и холод в небесных селеньях..."	53
"Молоко на строке не обсохло..."	54
"Из незнакомого окна..."	55
"Моя тоска — домашняя зверюшка..."	56
"Плачет серый ветер..."	57
"Мне как-то снилось: кони и попоны..."	58
Танец с тенью	59
"Чтобы первого января..."	60
"Паучок-математик (грустней не придумаешь зверя!)"	61
"Я с мышами и звездами говорю..."	62
"Что календарь! Формальность бытия!"	63
"Блажен Василий петушиным храмом..."	64
"Ах, южане — лжецы и поэты!"	65
"... И оказалось: это просто скучно..."	66

"Мне в лицо перегаром дышит моя страна..."	67
"Все, как я просила..."	68
"Куклу с моющимися волосами..."	69
"О нем толковали по всем лагерям..."	71
"Кому мечта по всем счетам оплатит..."	73
"У изменницы и отступницы..."	74
"... Сегодня утро пепельноволосо..."	76
"Помолчи – проси..."	77
I. "Мандельштамовской ласточкой..."	78
II. "Ты себя не спрашивай – поэт ли?"	79
"А может, проще – новостью в письме..."	80
"Неумелая пила..."	81
"Что-то завтра, кораблик наш, Малая зона..."	82
"Что ты помнишь о нас, мой печальный..."	83
"Помню брошенный храм под Москвою..."	85
"Вот и стихли крики, Пенелопа..."	87
Тане и Ване (Осиповой и Ковалеву)	88
"Я доживу и выживу, и спросят..."	89
"Вот и кончена пляска по синим огням..."	91
"Вот и снова декабрь..."	92
"А я не знаю, как меня убьют..."	93
"Я сижу на полу, прислонясь к батарее..."	94
"О чайной ложечке любви..."	96
"Есть у нашей совести два оттенка..."	97
"А в этом году подуло весной..."	98
"Сойдем с ума печальною весной..."	99
"Дай мне кличку, тюрьма..."	100
"Так закат воспален, что не тронь!"	102
"Лилии да малина..."	103
"Нарядили в тяжелое платье..."	104
"Все дела заброшу..."	105
"Ну, так будем жить..."	107
"Их пророки обратятся в ветер..."	109
"И за крик из колодца "мама!" ... "	110

"Когда-нибудь, когда-нибудь..."	111
"Вот их строят внизу — их со стенки можно увидеть..."	113
"Нас Россией клеймит..."	114
"Завтра будет прилив..."	115
"Если выйти из вечера прямо в траву..."	116
"Этот вечер для долгой прогулки..."	117
 Ю. Кублановский. "... И Божья рука на плече". <i>Послесловие к книге</i>	118
 Биографический комментарий	123

**Отзывы на эту книгу
просим посылать по адресу издательства:
Possev-Verlag, Flurscheideweg 15
D-6230 Frankfurt a. M. 80**

Ирина Ратушинская, отбывающая ныне за свое творчество семилетний лагерный срок — сильный и самобытный поэт, наследующий лучшим традициям российской поэзии. Однако большинство ее стихов до настоящего времени было рассеяно по страницам эмигрантской периодики и не собрано с должной полнотой под одной обложкой...

Сборник «Вне лимита» — наиболее объемное на сей день собрание избранных произведений поэта, вобравшее и ее лирику, написанную до ареста и в заключении.

Сборник снабжен подробным биографическим комментарием.

Составитель и автор послесловия Ю. М. Кублановский.